

Инна Голубович

«Из всех крошек самые главные...»

Одесские страницы жизни и творчества Владимира Пяста
в эго-документах

«Таточке и Наточке. В. П. – Радости мои,
детки мои славные!

Из всех крошек самые главные. В. П.»

Дарственная надпись Владимира Пяста приемным дочерям
Татьяне и Наталье Стояновым на книге М. Сервантеса «Нумансия»
Пер. с исп. В.А. Пяст. – М., 1940.

«В 1823 году в Одессу в ссылку прибыл Александр Пушкин. В 1933 году в Одессу в ссылку прибыл Владимир Пяст. И те, и наши времена были еще «вегетерианскими», говоря словами Анны Ахматовой, которая любила Пушкина, и которую высоко ценил Владимир Пяст, власти еще позволяли себе ссылать поэтов на Юг, к Черному морю» (Голубовский, 2003). Так емко, соединяя нити Золотого и Серебряного веков русской литературы, высказался об одесском периоде жизни Владимира Пяста известный одесский журналист, литературовед, культуролог, вице-президент Всемирного клуба одесситов Евгений Голубовский. Мы приводим цитату из предисловия к подготовленному им сборнику стихов Владимира Пяста «Предчувствие ограды» (Пяст, 2000), который стал частью серии иллюстрированных сборников стихов поэтов начала XX века, связанных с Одессой, – забытых, исчезнувших и в конце XX – начале XXI века возвращенных читателю (Ю. Олеша, А. Фиолетов, В. Инбер, Н. Крандиевская-Толстая, альманах «Ковчег» (1920, Феодосия) со стихами одесских поэтов). Название «Предчувствие ограды» отсылало к первому поэтическому сборнику самого

Владимира Пяста «Ограда» (Пяст, 1909). Е.М. Голубовский назвал такое переиздание своим нравственным долгом, долгом не только общекультурным, но и в значительной степени личным. «Была тут и личная причина. Много лет я знаю Наталью Филипповну Полторацкую. В 1953 году она учила меня, студента политехнического института, английскому языку. Потом, познакомившись с ее мужем Николаем Алексеевичем Полторацким, я вошел в их дом, в круг их друзей. И тогда узнал, что, приехав в 1933 году в Одессу, Владимир Пяст женился на свояченице профессора Аркадия Ивановича Скроцкого – Клавдии Ивановне Стояновой, став приемным отцом и Наталье Филипповне, и ее сестре Татьяне Филипповне. Основываясь на материалах семейного архива Полторацких, я писал об одесской жизни в местных газетах «Комсомольська іскра» и «Вечерняя Одесса», впервые в советское время опубликовал портрет поэта работы Юрия Анненкова... Но время печатать стихи поэта пришло только сейчас» (Голубовский, 2003).

В данной публикации предлагается продолжить начатый в Одессе же около двадцати лет назад разговор о годах, проведенных Владимиром Пястом в «южной ссылке», и сосредоточить внимание на одесском комплексе архивного наследия поэта, переводчика, мемуариста, незаурядного и пока еще недостаточно оцененного представителя Серебряного века. А главными героинями нашей исследовательской разведки станут приемные дочери Владимира Алексеевича – Татьяна Филипповна Стоянова-Фоогд (1922-2010) и Наталья Филипповна Стоянова-Полторацкая (1925-2000), те «самые главные крошки», чьими подвижническими усилиями и благодарной памятью сохранены и введены в научный оборот многие произведения и документы жизни В.А. Пяста. Безусловно, подвигу любви, страстной энергии и этической ответственности памяти они учились у своей матери – последней жены поэта Клавдии Ивановны Морозовой-Стояновой (1890-1973), чей образ является незримо доминирующим в этой работе. Данной публикации не было бы, если б несколько лет назад ко мне не пришла дочь Натальи Филипповны, сотрудница Одесского литературного музея Анна Николаевна Полторацкая (1951-2013) вместе со своим мужем Анатолием Николаевичем Катчуком с предложением сотрудничества в работе над обширным семейным архивом. Мои

скромные изыскания посвящая светлой памяти Анны Николаевны. Также выражаю глубочайшую благодарность внучкам героинь данной публикации Алене Овсянниковой-Фоогд (Амстердам) и Екатерине Мальцевой (Одесса) за моральную поддержку, за разрешение публично представлять материалы семейного архива и за помощь в уточнении значимой информации.

О Владимире Алексеевиче Пясте (Пестовском) (19.6.(1.7)1886-19.11.1940) на сегодняшний день существует уже довольно значительный, однако весьма недостаточный корпус исследовательской литературы, преимущественно в виде статей, часто энциклопедического, справочного характера. Профессор Еврейского университета в Иерусалиме Роман Тименчик подготовил к повторной публикации в серии «Россия в мемуарах» знаменитые пястовские «Встречи» (Пяст, 1929) – воспоминания о литературном быте эпохи символизма и акмеизма, статьи о Белом, Блоке, Брюсове, Вяч. Иванове, написал вступительное слово, представил обширный комментарий, вовлекающий в научный оборот ряд ранее не опубликованных мемуарных и эпистолярных источников (Пяст, 1997). Именно он откликнулся глубокой и весьма критичной статьей-комментарием-рецензией «Заметки комментатора. Казус Пестовского» (Тименчик, 2017) на недавнюю пилотную публикацию ранее не изданных поэм, хранящихся в одесском архиве поэта (Пяст, 2016), осуществленную, прежде всего, усилиями А.Н. Катчука и Юрия Фоогд-Стойнова. Р. Тименчик указывает на то, что в 1997 году в Амстердаме он познакомился с частью архива Пяста, привезенного из Одессы и хранившегося у Татьяны Филипповны Фоогд-Стойновой (Тименчик, 2017, 293). Мы бы хотели хотя бы в первом приближении представить одесский архив в целостном виде на фоне истории «южной ссылки» поэта, истории, которая существенно дополняет и в ряде случаев кардинально меняет сложившиеся представления об одном из ярких представителей Серебряного века, внесшем, к слову, свой вклад в закрепление этой «металлургической» метафоры.

Как чаще всего дается интродукция-представление Владимира Алексеевича Пяста? «Мои действительные друзья – Женя Иванов, А.В. Гиппиус, Пяст, Зоргенфрей» (из записной книжки А. Блока, 28 июня 1916 г. Цит. по: Фоогд-Стойнова, 2004, 37).

Поэт-дилетант, лингвист-любитель, постоянно одержимый какой-то идеей, странная фигура в вечных клетчатых штанах (Г. Иванов «Петербургские зимы», 1928 (Иванов, 1952)). Поэт, переводчик, мемуарист, автор «Встреч», потомок (по семейной легенде) польского королевского рода Пястов, «Рыцарь-Несчастье», «вечный неудачник», «старомодный эксцентрик в клетчатых панталонах», «безумный» Пяст, стихоман, адепт «мистического эстетизма», «поэт огромных, внемерных потенций», «звезда второстепенной величины», «нищий трагический чудак» (Тименчик, 1997). Сам Пяст в «Автобиографии» отмечает: «К символистам я не принадлежу, а я без направления модернист, считающий себя импрессионистом, а следовательно, реалистом» (Фоогд-Стоянова, 1962, 696). В письме к Сталину он охарактеризовал себя так: «поэт, декламатор, переводчик (поэзии – с испанского, французского, немецкого, шведского, английского – которыми, в разных степенях, владею)» (Пяст, 2016 (1), 466). И, наконец, аннотация к «двойному» изданию, где представлены под одной обложкой воспоминания Татьяны Фоогд-Стояновой о Владимире Пясте и одесские эго-документы поэта, его девятнадцать писем, прежде всего к «милой Таточке»: «...поэт-символист, ближайший друг Александра Блока, переводчик Франсуа Рабле и Тирсо де Молины, Сервантеса, Лопе де Вега и др. Исследователь русского стихосложения («Современное стиховедение», Изд-во писателей в Ленинграде, 1928 год), декламатор, мемуарист. Отчим Т.Ф. Фоогд-Стояновой и Н.Ф. Полторацкой» (Фоогд-Стоянова, 2004). Последуем именно за этой интродукцией-приглашением.

До сих пор в исследовательской литературе одесский период жизни Владимира Пяста почти не освещен. О нем не упоминает Р. Тименчик в своем вступительном слове к републикации «Встреч». Е. Обатнина ограничивается краткой справкой: в 1933 сослан в Одессу, здесь он женился на К.И. Стояновой. В 1936 году вернулся в Москву» (Обатнина, 2005). На самом деле «одесским» можно считать весь последний период жизни Пяста до его смерти в 1940 году в Москве, поскольку с ним все это время была его третья жена, одесситка Клавдия (Клотильда, как он называл ее) Стоянова и две ее дочери Татьяна и Наталья, ставшие для поэта родными, о ком он думал и заботился до последних дней, будучи

уже тяжело больным. Т.Ф. Стоянова-Фоогд подтверждает в своих воспоминаниях тот факт, что с Одессой поэт не порывал до самого конца: «В конце 1936 года Пяст получил возможность жить в Москве и приезжал в Одессу на короткие сроки. Мама же месяцами бывала в Москве. Там они ютились, снимая комнаты, то на Солянке, то на Мясницкой. Последний год они снимали полдомика у какого-то железнодорожника в Голицине. Там незадолго до кончины Пяста был оформлен их брак» (Фоогд-Стоянова, 2002, 114).

Обращаясь ко времени, проведенному в Южной Пальмире, мы приведем краткую его характеристику, данную Е.М. Голубовским: «Итак, жил в Одессе в середине тридцатых годов удивительный человек, «безумный Пяст», как говорил он сам о себе. Литература из Одессы «уехала», а он был последним мостиком, последним осколком Серебряного века, который ОГПУ подарило Одессе. Здесь он переводил пьесы, готовил «голосовую партитуру» для спектакля Мейерхольда «Борис Годунов». Всеволод Мейерхольд и вытащил в 1936 году Пяста в Москву. А в 1940 году Владимир Пяст умер от рака легких и горла – мистически предопределенная смерть для блестящего чтеца и поэта. Кстати, за рубежом сообщения о его смерти и некрологи появились много раньше: друзья считали, что он покончил с собой в сталинском ГУЛАГе» (Голубовский, 2003).

Однако больше всего об одесском периоде и последних годах жизни своего отчима написала Татьяна Фоогд-Стоянова (25.12.1922-29.06.2010). Прежде чем дать ей слово, представим краткую биографическую справку: родилась в Одессе в 1922 году. С 1933 года в жизнь ее семьи вошел В.А. Пяст. Он познакомился с Клавдией Ивановной Стояновой в доме Александра Михайловича де-Рибаса, в 1922-1924 годах директора Одесской городской публичной библиотеки, внучатого племянника одного из основателей Одессы адмирала Хозе де-Рибаса (русифицированное – Иосиф Дерибас). Женат А. де-Рибас был на Анне Николаевне Цакни, первой жене Бунина. «У них был салон, там по субботам собирались художники, ученые и литераторы, люди, «чувствующие искусство», вроде мамы» (Фоогд-Стоянова, 2002, 114).

К. Стоянова и ее дочери были с Пястом до конца его жизни. И лишь потом старшая приемная дочь стала по-настоящему

осознавать масштаб личности отца. С 1944 года Т.Ф. Фоогд-Стоянова живет в Голландии, профессионально занимается славистикой, до выхода на пенсию в 1987 – преподаватель, старший научный сотрудник Амстердамского университета. Вместе с мужем – славистом и священником Алексеем (Алавейном) Фоогдом создали Свято-Никольский православный приход в Амстердаме, процветающий до сих пор. Состояла в тесном духовном общении с владыкой Антонием Сурожским, рукоположившим в священники А. Фоогда. Многолетняя дружба и интенсивная переписка связывала Т. Фоогд-Стоянову с одним из самых выдающихся европейских славистов, переводчиков, страстным популяризатором русской культуры в Италии – Этторе (Гектор Доминикович) Ло Гатто, профессором Римского университета. Она – автор статей о Владимире Пясте, Святославе Рихтере, Марии Юдиной, Николае Полторацком, Алексее Фоогде. Линия Пяста стала главной в научных и мемуарных публикациях Татьяны Филипповны. В своих воспоминаниях она приводит разные поводы, побудившие ее уже в достаточно зрелом возрасте (как минимум с 1962 года) обратиться к наследию своего выдающегося, но к тому времени полузабытому, особенно на своей родине, отца. «Я достала с книжной полки толстую книгу «Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver» – «Сборник статей в честь Этторе Ло Гатто и Джованни Мавера», 1962 г. Издательство Сансони. Рим. В сборнике статьи корифеев международной славистики. Почти в конце (благо что имена авторов идут по алфавиту), на 693 странице публикация Т. Фоогд-Стояновой «Восемнадцать писем Пяста». Отказаться от участия в сборнике, не огорчив юбиляров, было нельзя – мы были знакомы с ними почти десять лет... Я мучилась этим до тех пор, пока наш добрый друг Карел ванн хетт Реве, не менее искушенный в славистике профессор Лейденского университета, не убедил меня опубликовать письма Пяста ко мне, написанные между 1938 и 1940 годами. Так они были напечатаны в Риме...» (Фоогд-Стоянова, 2004, 7)*.

* Публикация эго-документов Владимира Пяста была для Т.Ф. Фоогд-Стояновой инициирована Э. Ло Гатто. И так случилось, что именно в поисках эго-документов самой Татьяны Филипповны – ее писем к выдающемуся ученому в его личном архиве, хранящемся в Национальной библиотеке Италии в Риме,

«Мой долг по отношению к Пясту и в связи с ним к моей маме, его жене Клавдии Ивановне Стояновой, – опровергнуть прочно вошедшую в историю литературы и зафиксированную в «Литературной энциклопедии» легенду о том, что Пяст покончил с собой. А кроме того – исправить неточность Н.Я. Мандельштам. Дело в том, что я познакомилась с Надеждой Яковлевной уже после выхода в свет ее «Воспоминаний» и объяснила ей, что с мамой моей она никогда не встречалась, а спутала ее со второй женой Пяста Н.С. Омелянович, которой в «Воспоминаниях» не поздоровилось» (Мандельштам, 1982; Фоогд-Стоянова, 2002, 112).**

Однако эти версии – от публикации по случаю юбилея до осознания нравственной миссии, соединяются воедино в личной внутренней автоисповедальной стратегии коммеморации по отношению к своему герою, которую выстраивает Т.Ф. Фоогд-Стоянова. При этом единая «линия Пяста» превращается для нее в две взаимопересекающиеся (не «расходящиеся»!) тропки – ее собственные эго-документы: воспоминания (наброски воспоминаний, как она сама пишет), мемуары, а также забота об архиве отчима – публикация писем, прежде всего, обращенных к ней, передача части одесских документов в архив Музея-квартиры Андрея Белого.

В центре нашего внимания в данной публикации – история пястовского архива, драматические фрагменты которой отчасти представлены в многочисленных публикациях, осуществленных Т.Ф. Фоогд-Стояновой. После смерти В.А. Пяста в г. Голицино Звенигородского района Московской области 21 ноября 1940 года

дочь Татьяны Филипповны Алена Фоогд-Овсянникова нашла в описи архива указание на наличие письма (или писем) Владимира Пяста. Правда, пока самих эпистолярий обнаружить не удалось, поскольку наследники личной коллекции Этторе Ло Гатто передали римской библиотеке далеко не все документы. Однако вполне возможно, что будущих исследователей еще ждут открытия, в том числе связанные с Владимиром Пястом. Предполагаем также, что в архиве знаменитого европейского слависта бережно сохранялись копии тех самых писем, которые опубликовала Т.Ф. Фоогд-Стоянова.

** Как подчеркивает Р. Тименчик, падчерица Пяста Т.Ф. Фоогд-Стоянова всю жизнь боролась с версией, что ее отчим «покончил с собой» (Тименчик, 1997, 292). И действительно, эта версия (Чертков, 1971) исчезает из справочных изданий (см., например, соответствующие изменения в статьях Е. Обатниной разных лет).

главной наследницей его стала К.И. Стоянова. Архив В. Пяста его вдова привезла в Одессу. О том, что он содержал, рассказала в своих публикациях Татьяна Фоогд-Стоянова: поэма «По тропе Тангейзера. Поэма в отрывках», часть «Поэмы о городах», две обширные автобиографии, стенограммы докладов Пяста в ГОСТИМе по постановке «Годунова» и занятий по чтению трагедии «под руководством тов. Мейерхольда и проф. Пяста», переводы «Отелло» Шекспира и поэмы Стриндберга «Летняя ночь», письма. Конечно, в воспоминаниях было упомянуто не все, что хранилось в Одессе.

Значительный корпус материалов из личного архива В. Пяста был передан его приемными дочерьми в дар музею Андрея Белого в Москве (Государственный музей А.С. Пушкина, отдел «Мемориальная квартира Андрея Белого»). Среди этих документов – автографы и авторизованные машинописные копии поэтических произведений В. Пяста (фрагменты поэм «О трех городах», «Поэмы о городах», «По тропе Тангейзера», «Поэмы в тонах», поэмы из «Утренников»); переводов Стриндберга «Летняя ночь», Шекспира «Отелло»; тезисов по практике декламационных навыков в театральном искусстве, стенограмм доклада Пяста в Гостеатре им. Мейерхольда по постановке «Бориса Годунова» и занятий по чтению «Бориса Годунова», проведенных Пястом и Мейерхольдом (апрель 1936 г.); маленькая книжечка стихотворений Пяста, переложенных для голоса в сопровождении фортепиано.

Наследницы постарались сделать все возможное, чтобы одесские архивы В.А. Пяста стали доступны исследователям. Теперь дело за теми, кто возьмет на себя нелегкий и кропотливый труд освоения «исследовательского ландшафта» пястоведения.

Владимир Пяст в своих обращениях в Наркомвнудел так описывает свое пребывание в Южной Пальмире: «Работоспособность моя в Одессе, несмотря на трудные материальные условия и моральные удары вроде полученных мною в названных учреждениях, и несмотря на малое количество лет, протекших с моих заболеваний в 1930 г. (в Москве и Бутырках и рецидив в Вологде) (имеются в виду обострения психического заболевания), о тяжести и характере которых Наркомвнуделу, думаю, в деталях известно, – творческие силы мои и работоспособность в Одессе в 1934-35 гг. никак не находились в упадке. В этом городе я мог пользоваться

богатой библиотекой, получать доброкачественную эстетическую пищу, посещая театры, музеи и художественные выставки и слушая порой первоклассных артистов-гастролеров, а также мог несколько поправить нервную систему и бороться с ревматическими и прочими «болячками» надорванного организма, пользуясь разнородным купанием – лиманами, морем, солнцем» (Заявления, 1935, 3). Основываясь и на своих личных воспоминаниях, и, возможно, на этом документе, Т.Ф. Фоогд-Стоянова утверждает, что последний период жизни Владимира Пяста, начиная с 1933 года, духовно и душевно был гораздо более уравновешенный и спокойный, чем период между началом Первой мировой войны и ссылкой. Болезнь перестала его терзать, он всегда был в форме, отличался огромной и многогранной работоспособностью (Фоогд-Стоянова, 2004, 45-47).

Как мы уже указывали, старшая падчерица Татьяна (Тата) Стоянова (Т.Ф. Фоогд-Стоянова) не только активно способствовала сохранению архивного наследия отчима, но и сама опубликовала его часть – восемнадцать, а затем девятнадцать писем уже тяжело больного В.А. Пяста периода 1938-1940 года. 16 писем адресованы ей, одно – сестре Наталье Стояновой, и еще одно – Марии Вениаминовне Юдиной (Фоогд-Стоянова, 1962, 2004).

Мы в силу ограниченности объема публикации сосредоточим внимание на одном фрагменте автобиографического осмысления феномена Пяста самой Т. Ф., фрагменте, который может показаться незначительным, но, как нам представляется, выводящим на метафизику и глубинную онтологию не только самого поэта, но и всей плеяды представителей Серебряного века. Я намеренно привожу два варианта, чтобы показать, как трансформировалось, переинтерпретировалось, рефигурировалось исходное переживание, удаляясь от феноменологически-экзистенциального полюса к полюсу онтологии и метафизики культуры Серебряного века. «Мне было 13 лет, когда в 1935 г. я в первый раз увидела у нас Владимира Алексеевича Пяста. Теперь, когда я думаю о наших первых встречах, мне кажется – я боялась его, и он мне был неприятен. Я думаю, это случилось оттого, что он часто смотрел перед собой, куда-то вдаль. И даже если он смотрел на меня, мне казалось, я стою между ним

и чем-то другим, каким-то предметом, на который он смотрит, и смотрит сквозь меня. Я ему нисколько не мешаю. Он даже разговаривает со мной, но мне кажется, это не он говорит, а кто-то другой за него. А сам он где-то далеко: там, где останавливается его взгляд. Всегда хотелось повернуться и посмотреть назад, в надежде, что увижу там что-нибудь. Но оборачиваться было неловко – боялась его обидеть» (Фоогд-Стойнова Т.Ф. о В.А. Пясте (Без названия). Автограф и Машинописная копия // Личный архив семьи Стояновых-Полторацких). И второй вариант – уже из опубликованных воспоминаний: «Думая о моих первых встречах с Владимиром Алексеевичем, я тягочусь чувством вины перед ним. Я боялась его, боялась его взгляда. Казалось, он видит что-то за моей спиной. Впечатление это было настолько сильное, что неудержимо хотелось повернуться, чтобы увидеть, на что он смотрит. Теперь я знаю: он, безусловно, ощущал двойника, как многие из его поколения, и даже прямо об этом сказал: «Но тупо мой двойник глядел» (Фоогд-Стойнова, 2003, 114).

Сам комплекс опубликованных Т.Ф. Фоогд-Стойновой писем открывает нам другую грань личности В. Пяста – заботливого, любящего, настоящего воспитателя, возделывающего душу своих питомцев. Итак, одно из восемнадцати писем адресовано Марии Вениаминовне Юдиной, от 28 августа 1940 г., за два месяца до смерти (Фоогд-Стойнова, 2004, 98-99). Однако оно тоже касается старшей падчерицы: «Мне родная, милая девушка, одесситка Татяна Стоянова, попала ученицей к Вашей «почти ученице» – Финкельман (Костырке)*. Последнее обстоятельство, вероятно, будет причиной того, что милая Таточка, как я называю ее (в 1935 в Одессе было ей едва 13 лет), приобретет многое, что не лежит поперек Ваших концепций. Примите потом, прошу Вас, Мария Вениаминовна. Таню к себе. А пока... до свидания, всегда Ваш, В. П.» (Фоогд-Стойнова, 2004, 98).

А в письме к 16-летней Таточке от 28 августа 1938 года, мягко предлагая ей целую стратегию музыкального образования – сначала учиться в Одесской консерватории, в «знаменитом на весь

* Финкельман-Костырко Раиса Марковна - преподаватель Одесской консерватории.

мир своей музыкальностью городе», а потом усовершенствоваться у какой-нибудь знаменитости в Москве (Нейгауз, Зак, Флиер, Юдина), он предлагает конкретный жизненный пример, пример Марии Вениаминовны Юдиной. «Одна из известных пианисток – человек, занимающийся философией, – и это налагает на ее игру особый отпечаток, дающий всем понимающим слушателям особое наслаждение. Так что развивайте себя как можно больше, но не забывайте ежедневного, многочасового труда по специальности – которая, думаю, у Вас уже есть, – что и есть большое счастье. Все остальное к этому счастью, как говорится, приложится» (Фоогд-Стойнова, 2004, 68). Судьба распорядилась так, что у Татьяны Филипповны Фоогд-Стойновой действительно были очень глубокие отношения с великой пианисткой и религиозной подвижницей. Она оставила изумительные воспоминания о ней, где отметила, что, внимая совету Юдиной, семья Фоогд-Стойновых познакомилась с Антониом Сурожским, встреча с которым кардинально изменила траекторию истории всей семьи (Фоогд-Стойнова, 2003, 133-149).

И еще одно письмо, которое не было опубликовано в Риме, адресовано другой приемной дочери – Наталье (Наточке), полное любви и заботы, также написанное за два месяца до ухода из жизни. Он благодарит младшую приемную дочь за то, что та без паспорта и билета добилась заказа в Ленинской библиотеке в Москве. Пятнадцатилетняя Ната оказала неоценимую (и незаметную для посторонних) помощь: для тяжелобольного отчима она переписывала в библиотеке большие фрагменты текстов на незнакомых ей тогда французском, испанском языках, для того чтобы Владимир Алексеевич мог до конца своих дней трудиться над задуманными и переводами. И зная о своем скором уходе, поэт напутствует Наточку: «Вы – такая милая девочка, что я вполне полагаюсь на свое убеждение в том, что из Вас выйдет настоящий ученый, и Вы оставите вклад в науку и в этот бездонный колодец человеческих знаний, одно из отверстий которой – Ленинская библиотека. Но что еще лучше, в Вас будет всю жизнь живо сердце чистое и любящее. Я уверен, что Вы завтра добьетесь свидания: не имеют права не пропустить приезжую к тяжело больному близкому родственнику, тем более что Вы нарочно приехали,

чтобы со мной видеться и мне помогать. И немалую мне оказали помощь, как взрослый человек. Люблю я Вас бесконечно» (Фоогд-Стоянова, 2003, 100). Все, кто так или иначе встречался и общался с Натальей Филипповной Стояновой-Полторацкой за всю ее долгую и полную треволнений жизнь, согласились бы, что лучше и глубже о ней не сказал никто: «В Вас будет всю жизнь живо сердце чистое и любящее». Именно такой она и была.

К архивному комплексу, связанному с Н.Ф. Стояновой, мы еще вернемся.

Обратимся теперь к младшей из «крошек» – Наталье Филипповне Стояновой (9.06.1925-29.10.2000). Она не оставила письменных свидетельств ни о себе, ни о Владимире Пясте, но без ее безмолвного подвижничества сохранение памяти об отчине, сбережение архива и публикация хранящихся в одесской коллекции поэтических произведений не были бы возможны. Жизнь Натальи Филипповны была тесно связана с Одессой, которую она никогда надолго не покидала, выезжая уже после падения железного занавеса только в Амстердам к сестре или в Париж, с которым была связана первая половина жизни ее мужа – Николая Алексеевича Полторацкого, незаурядного человека, ставшего центром притяжения лучших духовных и интеллектуальных сил Одессы в 1960-1990-е годы.

Основные вехи жизни Н.Ф. Полторацкой. О начале ее взрослой жизни во время оккупации Одессы документальных свидетельств не сохранилось. Судя по рассказам самой Натальи Филипповны, в 1942 году во время оккупации она вместе с сестрой Татьяной поступила на факультет романо-германской филологии в Одесский университет. Перед освобождением Одессы от нацистов преподаватель итальянского языка в университете – консул Италии в Одессе – предложил лучшим студентам эмигрировать с ним на Запад. Наталья Филипповна категорически отказалась, так как считала, что жить нужно на Родине (Золотарева, 2019). В 1949 году она окончила трехгодичные курсы по отделению английского языка как переводчик-референт, затем в 1957 году – Одесский государственный педагогический институт иностранных языков по специальности преподавателя английского языка. С 1946 года работала на кафедре иностранных языков Одесского

политехнического института. В 1959 году уволена из института как не прошедшая по конкурсу. С 1960 года работает в знаменитом Одесском институте глазных болезней имени В. Филатова как преподаватель иностранных языков с почасовой оплатой и как младший научный сотрудник временно. В 1981 году вышла на пенсию. В этом сухом перечне фактов обращает внимание увольнение (не прошла по конкурсу) и отсутствие постоянного места работы. Действительно, из-за своей неблагонадежности с формулировкой «потенциально идеологически невыдержанный элемент» Наталья Филипповна была уволена из института и потом перебивалась лишь временными заработками и переводами. Она стала неблагонадежной не только из-за сестры, живущей в Голландии, но главным образом из-за мужа, встреча с которым стала главным событием ее жизни.

Николай Алексеевич Полторацкий (1909-1991) – один из интереснейших представителей Парижского православного богословия, член и позднее председатель созданного в Париже Братства Святителя Фотия, нацеленного на возрождение православия на Западе, секретарь Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева, ответственный секретарь Благодетельского Совета Русской православной церкви во Франции под юрисдикцией Московского Патриархата, член Дурданской группы Сопротивления во время Второй мировой войны. Друг и собеседник В. Лосского, Е. Ковалевского, Л.А. Успенского, м. Марии (Скобцевой), Ю. Скобцева, М. Цветаевой, С. Эфрона, Г. Флоровского и многих других выдающихся деятелей российской эмиграции. В 1948 году вернулся в СССР по приглашению Московской Патриархии. Вместо Москвы оказался в «южной ссылке» в Одессе, стал преподавателем Одесской духовной семинарии (постоянно изгоняемой по указке властей), переводчиком в отделе внешних церковных сношений РПЦ.

Они поженились в 1950-м и прожили вместе сорок один год, разделяя судьбу неблагонадежных и «чуждых» в родной стране. Поселилась молодая семья на улице Нежинской, где до революции семье Стояновых принадлежала большая квартира на втором этаже. При советской власти осталась лишь комната в коммуналке. Вспоминает Валентина Голубовская, литератор,

преподаватель истории искусств: вместе со своим мужем Евгением Голубовским, поэтом и психологом Борисом Херсонским и многими другими проходили в этой комнате «школу» свободы и достоинства, погружения в тот неведомый советским молодым людям мир, который казался утраченным навсегда. «О, эта комната в коммунальной квартире, разделенная книжными (до высокого потолка!) шкапами со старинной мебелью, с картинами на стене, с «барыней», как называли настольную лампу, основанием которой была фигура фарфоровой дамы, с висящими на зеркале трюмо бусами, ожерельями, лежащими на столике перед зеркалом браслетами, которые так любила и так умела, как никто другой, носить Наталья Филипповна... эта комната была полна людей, любящих этот дом, его обитателей, и всегда находивших здесь сердечное тепло, интеллектуальную утонченность – словом, ту интеллигентную среду обитания, которая даже в те уже далекие года встречалась среди советского житейского моря не часто» (Голубовская, 2004, 171).

Это та квартира, где бережно хранился архив В.А. Пяста, – и в недрах книжных шкафов, и в старинном деревянном чемодане и даже на кухонных полках, где бесценные и опасные бумаги хранились за непроходимыми рядами пустых стеклянных банок, ставших надежной охраной от возможного внимания непрошенных гостей. Такова, видно, судьба архивов Пяста – спастись среди кухонного скарба еще со времен «базарных корзинок» Мандельштамов. В разделе «Базарные корзинки» своих «Воспоминаний» Надежда Яковлевна вспоминает о том, как они с Осипом Эмилевичем вынесли, зная о грядущем обыске, в базарных корзинах единственный «перебеленный» экземпляр двух поэм Пяста, оставленный им на хранении в семье, как ему казалось, с устойчивым и налаженным бытом (Мандельштам, 1982). Эта история «банок» и «корзин» достойна пера самого Владимира Пяста, о котором Р. Тименчик написал: «Владимир Пестовский-Пяст был поэт, действительно понимающий души вещей, как человек эпохи Метерлинка, и умеющий вещь вписать в мифологему» (Тименчик, 2017, 295). Это та квартира, где произошла символическая встреча Серебряного века российской литературы с Серебряным веком российской философии и богословия, восприемни-

ком которого был Н.А. Полторацкий. Н.Ф. Полторацкая незадолго до своего ухода обмолвилась родным: после меня вы найдете среди бумаг кое-что интересное. Итак, что же так бережно, вдали от чужих глаз и даже от своих самых близких хранилось в открытом доме Полторацких? Это более десятка папок разного объема с рукописными и машинописными фрагментами (разрозненными «отрывками», как называл их сам автор) поэм: «По тропе Тангейзера» и «Поэма о городах». Это тексты (рукописи и авторизованная машинопись) пястовских переводов: А. Стриндберг «Летняя ночь (Канун Троицы)», Лопе де Вега «Валенсианские безумцы» (или «Таковы в Валенсье сумасшедшие»), «Собака садовника» (более известное название «Собака на сене»); М. Сервантес, «Нумансия», это несколько тетрадок, исписанных авторской рукой, письма Пяста и несколько неатрибутированных писем его корреспондентов, его заметки о шахматных турнирах, публиковавшихся в периодической печати, заявка на киносценарий «Город Солнца»*. Рукописные документы самого Пяста почти нечитабельны, он писал летящим и прыгающим почерком, часто карандашом. Как нам известно, именно Наталья Филипповна перепечатывала тексты отчима на печатной машинке, научившись расшифровывать закрытые для чтения письма и сохранив, таким образом, их для потомков и будущих публикаторов.

Среди карандашных писем на пожелтевшей бумаге, для расшифровки которых нужен дар Натальи Полторацкой, есть очень теплое письмо отчима к ней (4.09.1938 г.) с вопросами о Натинной марочной коллекции и пожеланиями почаще бывать на море в Аркадии, а также с сообщением о том, что начал писать «книжку прозой о поэзии, так что скучаю только по вечерам, так как здесь ложатся спать большинство с курами, а я так не умею» (Личный архив Фоогд-Стояновых-Полторацких). В Москве у Пяста не было своего угла, он часто подолгу жил у друзей и знакомых. В семейном архиве хранятся два письма наших главных героинь, адресованные Пясту в Москву, которые являются живым свидетельством о нем.

* В пилотном издании «Поэмы» (Пяст, 2016) изданы по материалам семейного архива поэмы «По тропе Тангейзера», «Поэма о городах», а также перевод со шведского поэмы А. Стриндберга «Летняя ночь (Канун Троицы)».

Письмо Татьяны (не датировано):

«Здравствуйте, дорогой Владимир Алексеевич. Как давно мне хотелось написать Вам, но глупое чувство неуместной гордости всегда останавливало меня на первой строчке. Так обидно, что вместе с Наточкиным письмом Вы никогда не прислали мне весточку. Отчасти я не писала вам потому, что не было особенного ничего хорошего и интересного. Успехов блестящих в школе и в своей домашней работе я не делаю; все идет по-нормальному, тихо и спокойно. В чем действительно я переменялась, так это в музыке. Не знаю даже, как назвать то чувство, которое уже в продолжении целого промежутка времени не позволяет мне отойти от пианино. Бывают дни, даже очень часто, что я играю по шесть часов в день. Учительница очень довольна мной и даже думает отдать меня в консерваторию Столярского, если я буду продолжать так дальше. Через некоторое время напишу более последовательно и детально. Таня».

Открытка Наташи (датирована: 17.01.1940): «Милый Вл. Ал. Целую Вас все крепко, очень грустим, что так далеки от Вас. Мама поправляется после тяжелой болезни, и мы отправляем ее в конце января к Вам. После больших трудов сегодня, наконец, узнали Ваш точный адрес. Очень хочется и нам Вас повидать. Не падайте духом, надеемся увидеться. Шлем привет из любимой Одессы от многих одесситов. Живем воспоминаниями о Вас. Ваша Наташа» (Личный архив Стояновых-Полторацких).

В архиве хранится письмо на обороте телеграммы, посланное Клавдией Стояновой из Москвы в Одессу в 1940: «Очень прошу Таня сохранить аккуратно письмо-поэму твоего преданного любящего тебя по-настоящему друга-человека! Пиши ему часто, он просит и ждет, пиши чернилами обязательно. Вряд ли ты увидишь его (нзб) здоровье его ухудшается. Пиши, милая, умоляю. Вл. Ал. хотел тебя увидеть хоть на 1 час. Большое большое спасибо за память. Очень тяжело» (Личный архив Фоогд-Стояновых-Полторацких).

Действительно, Татьяне больше не довелось увидеть отчима, она приехала в Москву ровно в день смерти Владимира Алексеевича, не успев попрощаться с ним.

Вернемся к взрослой Нате, ставшей женой опального «одесского парижанина». Наталья и Николай Полторацкие очень много занимались переводами, часто составлявшими единственный их заработок. И так же, как Пясту, им часто доводилось переводить «в стол», без всякой надежды на публикацию в обозримом будущем. Произошло символическое повторение профессиональной судьбы Владимира Пяста.

«Когда-то голландский русист Кейс Верхейл привел Иосифа Бродского в Амстердаме в гости к падчерице бедного поэта, и земляк его по дому Мурузи огласил ей свой экспромт:

How do you do Mr. Pyast!
I'm your future, you are my past.

(Тименчик, 2017, 301)

Мы попытались показать, что для «самых главных крошек» Владимир Пяст стал отнюдь не *past*, но *future*, тем смысловым горизонтом, в котором феномен Пяста, подлинный масштаб личности «Рыцаря-Несчастья» все больше открывался в будущем, во взрослой жизни каждой из них, так до конца и не открывшись ни им, ни нам.

Библиография

Голубовская В.С. Любовь к родному пепелищу // Голубовская В.С. На краю родной Гипербореи. – Одесса: «Печатный дом», 2004, с. 169-179.

Голубовский Е. «Бессмертье бросим и ему» // Новая Юность, 2003, № 5 (62).

Обатнина Е. Владимир Пяст // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь в 3-х т. / Под ред. Н.Н. Скотова. – М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 3. П-Я, с. 149-152. Режим доступа: <http://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/7559>

Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Париж: УМКА-Press, 1982.

Пяст В.А. Автобиография. Машинописная копия // Личный архив Фоогд-Стояновых-Полторацких.

Пяст В. Встречи. – М.: Издательство «Федерация», 1929. – 300 с.

Пяст В. Встречи. Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 416 с.

Пяст В.А. Десять писем // Фоогд-Стоянова Т.Ф. Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста. Владимир Пяст. Десять писем. Сост. А. Полторацкая, Е. Мальцева. – Одесса: Друк, 2004, с. 67-118.

Пяст В.А. Заявление в Наркомвнудел СССР административно высланного в город Одессу Пяста Владимира Алексеевича. 23 ноября 1935 г. Копия. Современная машинопись. 5 л. // Личный архив семьи Стояновых-Полторацких.

Пяст В.А. Ограда. 1-я кн. лирики / Портр. авт. работы Ю. Анненкова. – Берлин, Пг., М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922. – 108 с.

Пяст В.А. Письмо И.В. Сталину, Одесса, январь 1936 г. // Пяст В.А. Поэмы / Сост. А. Катчук. – Одесса: Optimum, 2016, с. 460-466.

Пяст В.А. Поэмы / Сост. А. Катчук. – Одесса: Optimum, 2016. – 472 с.

Пяст В.А. Предчувствие ограды. Сост. и предисл. Е.М. Голубовский. – Одесса: Друк, 2000. – 96 с.

Тименчик Р. Рыцарь-Несчастье Пяст В. Встречи. Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997, с. 5-20.

Тименчик Р. Заметки комментатора. Казус Пестовского // Литературный факт. 2017, № 4, с. 291-316.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. В воспоминание о Владимире Алексеевиче Пясте / Петербург 1886 – Голицино 1940. 1996 г. Машинопись // Личный архив семьи Стояновых-Полторацких.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. Восемнадцать писем В.А. Пяста // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma. 1962.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста. Владимир Пяст. Десять писем. Составители: А. Полторацкая, Е. Мальцева. – Одесса: Друк, 2004, – 120 с.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. О В.А. Пясте (Без названия). Автограф. 5 с. Машинописная копия. 4 с. // Личный архив семьи Стояновых-Полторацких.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. О Владимире Алексеевиче Пясте // Фоогд-Стоянова Т.Ф. «Что пройдет, то будет мило...» (наброски воспоминаний). – Одесса: ВМВ, 2002, с. 112-116.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. О Владимире Алексеевиче Пясте // Пяст В.А. Поэмы / Сост. А. Катчук. – Одесса: Optimum, 2016, с. 424-439.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. Неопубликованная статья В. Пяста о не вошедшей в печать редакцию «Бориса Годунова» // Dutch contribution to the 5th International Congress of Slavists. Sofia. 1963. S. 155-162.

Письма и документы В.А. Пяста (1938-1940) из архивов Т.Ф. Фоогд-Стояновой. Вступительная статья, подготовка текста и публикация Т.Ф. Фоогд-Стояновой. Послесловие Т.В. Цивьян // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М.: Новое издательство, 2005, с. 333-358.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. «Что пройдет, то будет мило...» (наброски воспоминаний). – Одесса: ВМВ, 2002. – 184 с.

Фоогд-Стоянова Т.Ф. «Что пройдет, то будет мило...» Мемуары. – Одесса: Optimum, 2003. – 286 с.